

FIVE YEARS
OF
THEOSOPHY.

*MYSTICAL, PHILOSOPHICAL,
THEOSOPHICAL, HISTORICAL AND SCIENTIFIC
ESSAYS,*

Selected from "The Theosophist,"

LONDON:
REEVES AND TURNER
196 STRAND, W.C.
1885.

Перевод осуществлён по изданию: Five Years of Theosophy. Mystical, Philosophical, Theosophical, Historical and Scientific Essays Selected from "The Theosophist". London: Reeves and Turner, 1885.

Перевод на русский язык © 2023 г. Владимир Валентинович Базюкин.

Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-256-3. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

Эликсир жизни

Из дневника одного чела

Г*** М***, член Т.О.

(От переводчика)

(В многотомном Собрании трудов Е.П. Блаватской составитель его, Б.М. Цирков, в своём обширном примечании приводит важные сведения, проливающие свет на неординарную личность автора предлагаемой читателю статьи. Думается, читателю будет небезынтересно познакомиться с приведёнными там фактами прежде, чем он приступит к чтению самой статьи.

"Автором этой примечательной статьи является Мирза Мурад Али Бег. Под таким литературным псевдонимом писал Годолфин Митфорд, отпрыск древнего гэмпиширского рода Митфордов. Отец его служил в Ост-Индской компании. Сам же Годолфин родился в Мадрасе и отличался в высшей степени эксцентричным и своеобразным характером. Из своекорыстных интересов он одно время увлекался чёрной магией, чем и привёл в действие особые сущности-элементалы, которые в конце концов полностью и расстроили его сознание. Когда 20 января 1881 г. в Бомбее он появился в доме Е.П. Блаватской и Г.С. Олькотта, он исповедовал ислам. Жизнь его была полна самых необыкновенных приключений. Вот что пишет о нём полк-к Г.С. Олькотт (Old Diary Leaves, Vol. II, pp. 289-291):

"В первый раз он пересёк порог нашего дома 20 января. Человек этот был европейцем по происхождению, отпрыском старинного гэмпиширского рода Митфордов, подарившего миру немало известных писателей, в том числе и Мэри Расселл Митфорд, автора знаменитой "Нашей деревни" и ряда других произведений.

Дед этого молодого человека приехал в Индию в компании с несколькими французами и некоторое время служил у Типу Султана.

Когда же этот жестокий и сластолюбивый правитель был убит, Митфорд-старший перешёл на службу в Ост-Индскую компанию.

Наш новый знакомец родился в Мадрасе, и в числе многочисленных чудачеств, которыми он отличался, было неожиданное принятие им ислама. В момент нашего знакомства с ним он находился на военной службе у бхавнагарского махараджи, занимая должность начальника кавалерии — тёпленькое место, не отнимавшее у него много времени. Авантюрист по своей природе, он вёл сумасбродный образ жизни, доставлявший ему, однако, больше страданий, чем радостей.

Среди всего прочего не гнушался он и занятиями чёрной магией. Как он рассказывал мне впоследствии, все те страдания, через которые ему пришлось пройти в течение нескольких последних лет его жизни, были напрямую связаны с тем, что его стали преследовать злобные духи, которых он некогда сам же призвал к себе, чтобы завладеть сердцем некой достойной дамы, ответного чувства которой он домогался.

Некий чёрный маг, мусульманин по вероисповеданию, научил его, как добиться своей цели. Он велел ему запереться на сорок дней в своей комнате и сосредоточиться взглядом на тёмном пятнышке, выделявшемся на стене. В своём воображении он должен был заменить это пятнышко на лицо своей жертвы и видеть только его, повторяя при этом сотни тысяч раз некую полуарабскую-полусанскритскую мантру

Он должен был продолжать это делать до тех пор, пока не увидит, как живое, лицо дамы его сердца. А когда губы её шевельнутся, словно в желании что-то ему сказать, это будет знаком того, что чары полностью завладели ею и вскоре она добровольно явится к нему сама.

Всё вышло именно так, как и было предсказано. Он вполне достиг своей мерзкой цели, погубил несчастную женщину, но сам подпал под власть злых духов, не обладая достаточной ментальной силой, чтобы держать их в узде, ибо добровольно принял обязательные условия служения им.

Разумеется, общение с ним было делом не из приятных.

Нервный, легко возбудимый, неспособный на долгое время сосредоточиться на чём-то одном, раб своих мимолётных желаний, отчётливо видящий высшие возможности человека, но бессильный достичь их, он явился к нам в попытке найти какое-то прибежище, а вскоре и прожил у нас несколько недель.

Англичанином он был весьма необычным: одевался совершенно помусульмански, и только свои длинные светло-русые волосы он по-женски собирал греческим узлом за затылком. Был он светлокж, глаза голубые. В своём дневнике я писал, что он больше всего походит на загримированного и готового к выходу на сцену актёра. Свой "Эликсир жизни" он написал чуть позже, но, коль скоро о нём зашла речь, то я расскажу здесь уже и всё, что случилось с ним позднее.

С минуты его первого появления в нашем доме он производил впечатление человека, в котором непрестанно происходит острая борьба между его психическим и нравственным началом. Он сетовал на то, что всё время мечется из крайности в крайность — что-то его толкает то к добру, то ко злу. Он обладал ясным умом, был прекрасно начитан и соби́рался вступить в наше Общество, но, будучи неуверенным в его добрых нравственных началах, я ему в приёме отказал.

За него, однако, вступилась Е.П.Б., сказав, что берёт его на поруки, и я сдался, позволив ему стать членом Т.О. Несколько месяцев спустя он отплатил ей за это чёрной неблагодарностью: на вокзале в Уодване он выхватил у сипая из рук меч и бросился с ним на Е.П.Б., пытаясь её убить и выкрикивая при этом, что она сама и все её Махатмы — просто бесы!

Словом, он сошёл с ума. Однако за время его жизни у нас он написал несколько статей, которые мы опубликовали в "Теософисте", и вот как-то раз вечером после беседы с нами он засел за статью о том, как с помощью собственной воли человек может продлить срок своей жизни. Е.П.Б. и я находились в эту минуту в одной комнате с ним, и, когда он начал писать, она встала из своего кресла и подошла к нему, встав у него за спиной — точно так же, как она в Нью-Йорке стояла за

спиной у Хариса, передавая ему свои мысли, пока тот набрасывал портрет одного из Махатм.

Статья Мирзы Сахеба вполне заслуженно привлекла к себе внимание читателей ("Теософист", III, 140, 168) и с тех пор считается одной из самых глубоких и значительных работ в области нашей теософской литературы.

Всё у него стало складываться удачно, и перед ним открылись все возможности для того, чтобы в значительной мере восстановить свою былую духовность. Для этого ему нужно было лишь остаться у нас, и он было согласился, но, подчиняясь каким-то необоримым силам, не удержался и бросился в свой Уодван навстречу собственной гибели. Ему так и не удалось восстановить своё психическое равновесие: сначала он обратился в католичество, затем снова вернулся в ислам и в конце концов умер и был похоронен в Джунагадхе, где я побывал на его скромной могиле.

Судьба его всегда представляется мне ужасным примером того, какие опасности подстерегают человека, когда он начинает заигрывать с оккультными силами, не будучи в состоянии совладать с бушующими внутри него животными страстями".

У Е.П.Б. в "Тайной доктрине" встречаются два замечания, касающиеся этого необычного персонажа.

Вот они:

"... Этим человеком был англичанин, которого погубил его же собственный эксцентричный гений. Сын протестантского священника, он принял ислам, после чего обратился в самого воинственного атеиста, но после того, как встретил своего учителя, гуру, он впал в мистицизм. Затем он пришёл к теософии, по-прежнему обуреваемый сомнениями и переживавший периоды крайнего отчаяния. Отказавшись от практики белой магии, он обратился к магии чёрной. Рассудок у него помутился, он принял католицизм. Но затем в его жизни произошёл новый крутой поворот, он проклял католическую церковь, вернулся к атеизму и в конце концов умер, осыпая проклятьями всё человечество, знание и Бога, в которого окончательно перестал верить.

Располагая всеми необходимыми эзотерическими сведениями, он написал свой очерк "Небесная война", превратив его наполовину в политическую статью, в которой он смешал всё: Мальтуса с сатаной и Дарвина с астральным светом. Да упокоится его . . . оболочка. Жизнь его — это назидание всем оступившимся чела. Его всеми забытая заброшенная могила до сих пор стоит на мусульманском кладбище в Джунагаде, расположенном в индийской провинции Катъявар".

"...Он обладал исключительными способностями мистика, был человеком огромной эрудиции и замечательного ума. Однако он сошёл с "правого пути" и немедленно оказался жертвой кармического воздаяния".

Тем не менее, в ряде мест своей книги Е.П.Б. рекомендует читателю его примечательное эссе под названием "Небесная война" и цитирует несколько фрагментов оттуда в "Тайной доктрине".)

"И ходил Енох пред Элохимом, и Элохим взял его".

— Книга Бытия.

Введение

В предлагаемой ниже статье речь пойдёт о вещах столь диковинных — а нам, без сомнения, должно признать их именно таковыми, какого бы мнения на сей счёт ни придерживался остальной мир, — что они вполне заслуживают нескольких вступительных слов.

В статье нашей мы хотим подробно остановиться на предмете, который всегда относился к одной из самых непроницаемых и строжайше охраняемых тайн оккультного посвящения — таким предмет этот почитался во времена риши, таким же остаётся он и в наши дни, когда уже существует Теософское общество. Подробности же стали известны автору в обстоятельствах столь примечательных, что европеец средней руки вполне мог бы назвать их необыкновенными и даже сверхъестественными.

Впрочем, сам автор — и в том он может вполне заверить своего читателя — ни на грош не верит ни во что сверхъестественное. А если говорить о естественном, то познать ему довелось многое такое, что, не в пример другим, удерживает его от попытки втиснуть естественное в узкие рамки возможного. Засим, автор должен откровенно признаться читателю в своих истинных верованиях.

Если по внимательном прочтении изложенных фактов читатель убедится, что дело действительно обстоит так, как о нём и поведено в этой статье, то он должен со всей ясностью осознать и другое: сам автор никоим образом не может принадлежать к числу высоких адептов, ибо в этом случае статья наша никогда не была бы написана.

Впрочем, на лавры адепта он и не претендует. Он — всего лишь смиренный чела, а точнее, пребывал таковым в течение нескольких лет.

И потому правильнее было бы о нём сказать вещь совершенно обратную: он не может иметь ни малейшего личного опыта в вопросах, касающихся наивысших таинств. Рассказ свой он ведёт лишь как прямой наблюдатель, и всё, что ему оставалось при этом делать, — это лишь приходить к собственным умозаключениям, и не более того.

А посему он может смело утверждать, что за время пусть, к сожалению, и весьма недолгого пребывания у неких адептов он методом прямого эксперимента и наблюдения проверил справедливость далеко не самых трансцендентальных и скорее даже начальных дисциплин "курса обучения". И пусть даже не удастся ему представить ни одного убедительного свидетельства, объясняющего, что именно лежит там, за чертой жизни и смерти, он всё-таки вправе твёрдо сказать одно: да, всё, что я узнал за время своей учёбы, своей теоретической и практической подготовки — долгой, суровой, а подчас и опасной, — приводит меня к убеждению, что дело обстоит ровно так, как нам о нём теперь и говорят. За исключением, правда, отдельных умышленно завуалированных подробностей.

По причинам, которые автор не может открыть широкой публике, он, возможно, не в силах, а возможно, и просто не желает самостоятельно воспользоваться открывшимся ему секретом.

Однако тот, к кому он питает благоговейную любовь и благодарность, — его последний гуру — всё-таки позволил ему в интересах Науки и ради Человека — в особенности ради блага тех храбрецов, что готовы поставить эксперимент на самих себе — поведать следующие ошеломительные подробности того, как с помощью оккультных методов человек способен продлевать собственную жизнь на срок, значительно превышающий период обычного человеческого существования — Г. М.

ИЗ ВСЕХ побудительных причин, что сегодня заставляют сугубо мирского человека домогаться посвящения в теософию, самой первой является, пожалуй, вера или надежда на то, что в тот же миг ему будет даровано необычайное преимущество перед остальной частью человечества.

Кое-кто полагает даже, будто результатом такого посвящения может, вероятно, в конце концов стать освобождение его от того процесса распада, что зовётся общим уделом человечества. Предания об "эликсире жизни", которым якобы обладают каббалисты и алхимики, всё ещё будоражат умы европейских последователей средневекового оккультизма. Рассказням об "аб-е хаят", то есть о "живой воде", всё ещё свято верят и выродившиеся остатки азиатских эзотерических сект — они даже не догадываются о существовании настоящей ВЕЛИКОЙ ТАЙНЫ. Тот "крепкий и обжигающий экстракт", который принимал Занони, чтобы раз от разу продлевать свою жизнь на всё новые и новые сроки, по-прежнему распаляет воображение у современных визионеров, усматривающих в нём намёк на какое-то открытие, которое, возможно, суждено совершить науке в недалёком будущем.

Да, говорит теософия, факт этот сам по себе совершенно реален, но ни в одном из приведённых выше рассуждений нет ни слова правды о том, как этот факт реализуется на практике.

Дело читателя, верить мне или нет, но факт остаётся фактом, что, по утверждениям теософов-оккультистов, они действительно способны поддерживать сообщение с (живыми) Разумами, наделёнными бесконечно более широким диапазоном восприятия реальности, чем это готова признать современная наука в своих самых смелых предположениях и что бы на сей счёт ни заявляли все эти дилетанты-каббалисты — нынешние европейско-американские "адепты".

Но как бы далеко эти высочайшие Разумы ни продвинулись (или, если угодно, "якобы" продвинулись) в своих изысканиях, в какие бы дальние дали они ни забирались, действуя с помощью логики и методов аналогии, даже Им так и не удалось обнаружить в Беспредельности ничего постоянного, кроме одного — ПрОСТранСТВа, ИбО ВСё ОСТальнОе ПОдВерженО ИЗМененИю.

Из сказанного читатель может легко сделать следующее логическое умозаключение: значит, во Вселенной, столь изменчивой по самому своему существу, нет ровно ничего такого, что могло бы придать постоянства существующим в ней условиям.

А значит, ни из каких глубин Беспредельности нам не почерпнуть такой субстанции, не вообразить даже в мыслях такого набора снадобий, взятых на нашей ли или какой угодно иной Земле и даже смешанных между собою этими Высочайшими Разумами, а, следовательно, и не найти такого образа жизни или таких практик, пусть даже и следуемых со всей строжайшей волей и умением, которые оказались бы способны произвести на свет Неизменность.

Ибо в нашей Вселенной, состоящей из множества солнечных систем, — где бы и как бы мы их ни исследовали — Неизменность со всей необходимостью предполагала бы наличие "Небытия" в том физическом смысле, в каком его понимают теисты, — Небытия как ничто в узком представлении западного клерикализма — *reductio ad absurdum*. Однако мыслить так — значит наносить ничем не прикрытое оскорбление идее Бога — хоть псевдохристианской, хоть клерикально-иеговистской.

Следовательно, обычное идеальное представление о "бессмертии", как мы видим, не только неверно уже по самому своему существу, но и невозможно ни с физической, ни с метафизической точек зрения. Кто бы эту идею ни отстаивал — теософы ли или не теософы, христиане или спиритуалисты, материалисты или идеалисты, — идея эта не более чем просто химера.

Но при всём при этом способ временного продления человеческой жизни действительно существует, и он позволяет удлинять жизнь на период столь долгий, что может показаться невероятным чудом всем тем, кто полагает, будто срок нашего существования неизбежно отмеривается, самое большее, парой сотен лет.

Нам вполне по силам как бы сгладить шок смерти и целиком изменить процесс умирания: это будет уже не внезапное проваливание в черноту, а постепенный переход в какой-то более яркий свет.

Причём всё это может протекать столь постепенно, что переход из одного состояния бытия к другому станет гладким и практически незаметным.

А это уже в корне меняет всё дело, и такая задача оказывается вполне по плечу оккультной науке. Как и во всём другом, успех здесь будет целиком зависеть от правильного применения необходимых средств, и тогда причины уже сами будут производить все необходимые следствия. Остаётся, разумеется, лишь один вопрос: что это за причины и каким образом мы можем привести их в действие? Попытка приподнять, насколько позволительно, завесу над этой стороной оккультизма и составляет цель настоящей статьи.

Для начала хочу напомнить читателям о двух теософских учениях, неизменно подчёркиваемых как в "Исиде", так и в других посвящённых мистике сочинениях, а именно: (а) по самой своей природе Космос, в конечном счёте, представляет собой единое Целое — он един, невзирая на всё бесконечное разнообразие и множество его проявлений; и (б) то, что мы называем человеком, представляет собой "многосоставное существо".

Это следует не только из экзотерического научного определения человека как существа, состоящего из некоего набора так называемых живых материальных единиц-частей, но вытекает также и из эзотерического понимания человека как определённого ряда семи форм или семи частей чего-то единого, которые особым образом перемешаны друг с другом.

Чтобы прояснить нашу мысль, скажем, что самые тонкие его формы представляют собой не что иное как дубликаты одного и того же аспекта — и каждая предыдущая, более тонкая, заключена в межатомных пространствах следующей, более грубой.

Нам хотелось бы, чтобы читатель понял, что это вовсе не те "тонкие" или "духовные сущности", о которых говорят спиритуалисты-христиане. Тот фактический человек, которого вы обычно видите в своём зеркале, — на самом деле не один человек.

В действительности это совокупность нескольких человек или, иначе говоря, нескольких составных частей единого комплексного человека, и каждый из них — это точный аналог другого.

При этом, однако, "атомы" (скажем так за неимением лучшего термина) каждой предыдущей формы организованы таким образом, что пронизывают собою атомы последующей, более "грубой", формы.

Сейчас нам нет дела до того, как эти формы исчисляют, обособляют, классифицируют, подразделяют и именуют теософы, спиритуалисты, буддисты, каббалисты или ведантисты — отложим эту войну терминов до другого случая. Неважно для нас сейчас также и то, каким образом каждый такой человек связан с тем или иным "первоэлементом" Космоса, составной частью которого он является.

Мы не будем сейчас ни разъяснять, ни обсуждать эту тему, хотя она и имеет ключевое значение в других случаях. Пусть также нас не заботит и то, что факт подобной [человеческой] структуры отрицается учёными, не имеющими в своём распоряжении соответствующего инструментария, который помог бы их органам чувств уловить её.

Им мы можем дать лишь один совет: вооружитесь более совершенными приборами и более острыми органами чувств — и в конце концов вы обнаружите её.

Мы хотим сейчас сказать лишь одно: если вы всерьёз желаете испытать "эликсира жизни" и действительно хотите прожить этак с тысячу лет, то должны довериться в этом вопросе нашему слову и, приняв сказанное за гипотезу, продолжать двигаться дальше, ибо эзотерическая наука не оставляет ни малейшей надежды на то, что к поставленной цели можно когда-нибудь прийти иным путём, а что касается современной, так сказать, точной науки, то о ней и говорить нечего — она без смеха и слышать об этом не желает.

Итак, допустим, в жизни нашей наступает момент, когда мы решаемся разбить — причём не в фигуральном, а в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова — свою внешнюю оболочку, хорошо известную нам смертную "обмотку", то есть наше тело, и мы готовы вылупиться из него, одетые в следующее своё тело.

Это "следующее" тело не имеет никакого отношения к духовности — это просто ещё одна наша форма, только более тонкоматериальная.

В ходе длительной тренировки и практики нам, допустим, удаётся приспособить это "новое" тело к жизни в условиях нашей земной атмосферы, и в течение всего этого времени мы должны будем особым образом (о чём мы скажем намёком несколько позже) заставить свою прежнюю внешнюю оболочку начать постепенно отмирать, после чего нам придётся подготовить себя к этой физиологической трансформации.

Как же нам этого добиться? Прежде всего, мы видим, что у нас есть вполне реальное, зримое материальное тело — так сказать, "человек", хотя в сущности это всего лишь его внешняя оболочка, и вот ею-то нам и предстоит заняться. Давайте вспомним, что нам об этом говорит наука? А наука учит, что мы, как какие-нибудь змеи, целиком меняем свою кожу примерно каждые семь лет.

Однако процесс этот протекает столь постепенно и незаметно, что если бы наука не заверила нас в этом, опираясь на долгие годы кропотливых исследований и наблюдений, то ни у одного человека не зародилось бы даже тени подозрения на этот счёт.

Кроме того, мы видим, что с течением времени любой порез, любое повреждение на теле, пусть даже самые глубокие, стремятся восполнить нанесённый ущерб и восстановить былую целостность — так любое место, с которого бывает содран клочок кожи, очень быстро зарастает новой. А это означает вот что: если после частичной потери кожи человек может порой не только выживать, но и покрываться новым слоем кожи, то точно так же мы можем заставить и наше астральное, витальное тело

— четвёртое из семи и гораздо более тонкое, чем физическое тело

— уплотнить (после того как оно привлечёт к себе и впитает в себя второе) собственные частицы, приспособив их к изменившейся атмосфере.

Весь секрет заключается лишь в том, чтобы сначала успешно выделить его из зримого тела, а затем отделить одно тело от другого, и, хотя его [астрального тела — перев.] обыкновенно невидимые атомы будут продолжать всё больше уплотняться, превращаясь в компактную массу, необходимо будет постепенно избавляться от старых частиц нашей зримой оболочки, заставляя их отмирать и исчезать прежде, чем успеет образоваться им в замену новый набор частиц.

Большого мы сказать не можем. Не одну только Марию Магдалину можно было бы обвинить в том, что в ней заключено "семь духов", хотя не являются редкостью или исключением из правила также люди, имеющие и меньшее число духов (что за нелепый термин!); подобные ошибки природы достаточно нередки, и в числе таких неполноценных встречаются равно и мужчины, и женщины.

Каждое из этих тел поочерёдно заменяет собой предыдущее, более плотное, после чего умирает. Исключение составляет лишь шестое, которое впитывается седьмым и смешивается с ним.

Слово "дхату", которое употребляют древние индусские физиологи, включает в себе двойной смысл и в своём эзотерическом значении соответствует тибетскому термину "Zung" ("семь принципов тела").

У нас, азиатов, есть поговорка, пришедшая, вероятно, из седой старины, однако индусы, произнося её вновь и вновь, даже не догадываются о её эзотерическом смысле. А известна она ещё с тех самых времён, когда древние риши свободно общались с людьми как простого, так и знатного происхождения, обучая и ведя их за собою. Дэвы когда-то шепнули на ухо каждому живущему на земле человеку такие слова: "Ты один — если только захочешь того — станешь бессмертным". Соедините теперь эту мысль со словами западного писателя, сказавшего: дайте только человеку хоть на миг осознать, что однажды его не станет, и он в ту же минуту умрёт.

Просветлённый поймёт, что между двумя этими высказываниями и лежит вся разгадка секрета долголетия — стоит лишь правильно понять эти слова. Умираем мы лишь тогда, когда у нас ослабевает воля к жизни.

В большинстве случаев смерть наступает в ту минуту, когда муки и истощение жизненных сил, вызванные каким-либо резким изменением в окружающих нас физических условиях, достигают такой остроты, что им удаётся ослабить на один краткий миг нашу "зацепку за жизнь", то есть твёрдую волю к жизни.

Поэтому как бы тяжела ни была наша болезнь, как ни непереносимы муки, мы должны всё время помнить об одном: это всего лишь болезнь или — в каких-то случаях — всего лишь рана, и не более того.

Этим-то и объясняются случаи внезапной смерти от радости, страха, боли, горя и прочих подобных причин. Ощущение полной истощённости смысла жизни, никчёмности собственного существования, если они остро осознаются человеком, как раз и вызывают смерть столь же верную, как смерть от яда или от ружейной пули. С другой стороны, именно твёрдая решимость во что бы то ни стало продолжать жить дальше не раз спасала людей от гибели в те критические минуты, когда болезнь грозила принять роковой оборот.

Стало быть, прежде всего, у человека должна быть решимость — Воля — твёрдая убеждённость в том, что он должен жить. Если её нет, то ничто уже не поможет. Причём для успеха дела это должно быть не сиюминутное решение, не кратковременное, пусть и яростное, желание,

— а устойчивое и продолжительное напряжение, способное длиться в течение долгого периода, всё время усиливаясь и не расслабляясь ни на миг. Одним словом, тот, кто решился обрести "бессмертие", должен стоять на страже днём и ночью, не спуская глаз с себя самого. Жить — жить

— жить: вот каким должно быть его неколебимое внутреннее решение. Он не должен позволять себе ни малейших послаблений, способных заставить его свернуть с намеченного пути.

Мне могут, впрочем, возразить, сказав: да это же просто эгоизм, причём в самой что ни на есть концентрированной форме!

Это ровно то, против чего категорически выступают наши теософы, призывая к доброжелательному и бескорыстному отношению к людям и к заботе о благе всего человечества.

Что ж, если взглянуть на дело под таким узким действительно так. Но, как и во всём остальном, чтобы творить добро, человек должен располагать временем и соответствующим материалом, и только при их наличии он может овладеть теми способностями, которые и позволяют ему творить добро в бесконечно большем масштабе, чем без оных. А с овладением этими способностями открываются и новые возможности для их применения, поскольку рано или поздно наступает момент, когда человеку уже более нет нужды стоять на бессменной вахте, напрягая все свои силы, — этот момент наступает, едва лишь человек благополучно минует поворотную точку.

Поскольку мы сейчас ведём речь не о продвинутых чела́, а о начинающих искателях истины, то твёрдость воли, упорство и просветлённая сосредоточенность человека на самом себе — это и всё, что абсолютно необходимо на первых порах.

Не следует, однако, полагать, будто кандидат в ряды "бессмертных" должен непременно вести себя бесчеловечно, жестоко или пренебрежительно по отношению к другим.

Такой безрассудно эгоистичный стиль поведения окажется для него столь же разрушительным, как и прямо противоположный, при котором всю свою жизненную энергию он будет тратить на потакание собственным физическим желаниям. До тех пор, пока остаётся не пройденной поворотная точка, он не должен "растрачивать" собственную энергию, отдаваясь с безудержным жаром какому бы то ни было делу, пусть и самому благородному, самому "доброму" и возвышенному.

За всё это он, разумеется, будет многократно вознаграждён — в этом мы можем твёрдо заверить читателя. Возможно, это случится, в какой-то иной жизни, а возможно, уже и на этом свете, но, как и потворство собственным страстям и распутный образ жизни, это столь же неизбежно сократит ему жизнь, которую он желает сохранить.

Вот почему из всего числа по-настоящему великих людей в нашем мире (разумеется, здесь не идёт речь о беспринципных авантюристах, истративших свои великие способности на дурные цели) — мучеников веры, героев, основателей религий, освободителей народов, выдающихся реформаторов — лишь считанные единицы смогли оказаться членами этой общины долгожителей, этого "Братства адептов", многие годы порицаемого кое-кем за эгоизм. (Ровно поэтому йоги и факиры в современной Индии, в большинстве своём действующие по слепой букве традиции, также не должны — дабы в общественном мнении оставаться верными требованиям своего рода деятельности — внешне отзываться ни на одно внутреннее чувство, не поддаваться ни одной эмоции, точно те для них уже совершенно мертвы). И при всей чистоте их сердец, при всём величии их устремлений, при всём бескорыстии их самопожертвования все они упускали свой час — и жизнь их обрывалась.

Возможно, они порой проявляли способности, казавшиеся миру чудесами; возможно, им удавалось воспламенять души людей и подчинять Природу своей огненной и все покоряющей Воле; возможно, они обладали, как мы говорим, сверхчеловеческим разумом; возможно, они даже были знакомы и общались с нашим собственным оккультным Братством, но, твёрдо решив отдать свою жизненную энергию другим, не оставив ничего для себя, они тем самым отказывались от собственной жизни, и, погибая на кресте или на плахе, падая с мечом в руке на поле брани или изнемогая от истощения сил, отданных на свершение задачи всей их жизни, на смертном одре в тихой своей опочивальне, все они, как один, исходились в надрывном последнем вопле: "Или, Или, лама савахфани!"

Всё это так, спору нет. Но, как мы не раз убеждались в обычном ходе нашей мирской жизни, даже самая могучая сила воли не всегда бывает способна совладать с могучими процессами распада.

Отчаянная, вновь и вновь возобновляемая борьба элементов Космоса, стремящихся неуклонно следовать своим привычным курсом непрерывных изменений, невзирая ни на какую противостоящую им волю, делает эти элементы похожими на пару потерявших управление коней, которые бешено сопротивляются решительной воле кучера, пытающегося удержать их неистовый бег, и их совместная сила столь велика, что тут не помогут никакие, даже самые запредельные, усилия нетренированной человеческой воли, действующей внутри неподготовленного тела.

Одинаково бессильными здесь в конце концов оказываются и беспримерная доблесть солдата-храбреца, и пылкое желание томного возлюбленного, и неуёмная жадность ненасытного скупца, и не знающая сомнений вера наитвердейшего из фанатиков, и привычная нечувствительность к боли у наисуровейшего смельчака-индейца или полу обученного йога-индуса, как и самая выверенная философия у бесстрастнейшего из мыслителей.

Скептики, правда, могут в опровержение изложенных в этой статье вернейших фактов сослаться на опыт: ведь, как известно, нередко случается, что даже у самой кроткой из натур, у самого нерешительного из умов и у тщедушной его из людей вдруг оказываются силы, способные противиться "Смерти" дольше, чем самая могучая воля у жизнерадостного и своенравного эгоиста, а равно и у закалённого физически труженика, воина или атлета.

На самом же деле, ключ к разгадке секрета этих очевидно противоречащих друг другу явлений лежит в правильном понимании той самой вещи, о которой мы уже сказали выше. Если грубая "внешняя оболочка" проходит своё физическое формирование параллельно и в том же темпе, что и воля, то ясно, как день, что в этом случае последняя и не может получить никакого перевеса, который позволил бы ей преодолеть сопротивление первой.

Никакие самые современные пушки не предоставят армии абсолютного преимущества над врагом, если тот вооружён точно такими же орудиями.

А значит, если взглянуть на дело несколько глубже, то нетрудно заметить, что закалка, которую проходит так называемая "сильная и решительная натура", совершенствуя себя на арене зримого мира в своих собственных целях, неизбежно подталкивает параллельное развитие и "грубой", так называемой животной оболочки, без чего сама эта закалка совершенно бесполезна.

И тут вдруг оказывается, что-закалка-то эта по большей части сводится на нет с точки зрения задач, о которых мы здесь говорим, а всё из-за того, что каждое действие со стороны этой "сильной натуры" одновременно вооружает и своего противника столь же эффективным оружием, как и то, которым пользуется сама эта "натура".

Буйная тяга к разрушению уравнивается с противостоящей ей волей, а по мере своего накопления эта тяга уже оказывается способной подчинить себе силу воли и в конце концов полностью взять над ней верх.

Но, с другой стороны, может случиться и так, что очевидно слабая, нестойкая воля, живущая в жалкой и незакалённой физической оболочке, вдруг может получить такой могучий приток дополнительной силы под воздействием того или иного неудовлетворённого желания — иччха ("желания"), выражаясь языком индийских оккультистов (к примеру, страстного желания какой-нибудь матери-одиночки во что бы то ни стало оставаться в живых, чтобы не бросить на произвол судьбы своих детей), — что слабая воля эта на короткое время бывает способна сдержать и усмирить борьбу в том физическом теле, над которым ей удаётся временно взять власть.

Таким образом, весь смысл первого необходимого условия для обеспечения продолжительного существования в нашем мире сводится к следующему: (а) к укреплению Воли до такой степени, чтобы стало возможным преодолеть те наследственные (в самом дарвиновском смысле этого слова) тенденции, которые в определённый период времени заставляют атомы "грубой", зримой животной оболочки стремительно возвращаться к установленному для них процессу обще космического изменения; и (б) к ослаблению конкретной деятельности этой животной оболочки до такой степени, чтобы она подчинилась

силе Воли. Если мы хотим разгромить армию противника, нам необходимо её деморализовать и посеять в ней раздор.

Только ради этого-то и свершаются всевозможные обряды и церемонии, держатся посты, возносятся "молитвы", проводятся медитации, посвящения и разнообразные практики самовоспитания, предписанные различными эзотерическими сектами Востока, начиная с пути чистейших воззваний к возвышенному, ведущих к наивысшим степеням в иерархии подлинных адептов, и кончая жуткими и отвратительными "ордалиями", через которые обязаны пройти сторонники "левого пути", всеми силами стараясь удержать внутри себя равновесие. Практики эти имеют свои достоинства и недостатки, приносят свою пользу и свой вред.

Одни их элементы играют ведущую, а другие второстепенную роль, и, кроме того, они имеют различную степень секретности, пользуются мысли. В целом, однако, все они — пусть и различными способами — позволяют достичь искомого результата. В итоге Воля окрепнет, станет живой и целенаправленной, а все противостоящие ей элементы окажутся деморализованными.

А теперь, если мы тщательно продумаем и соберём воедино разнообразные теории эволюции, взятые нет, не из какого-нибудь оккультного источника, а из самого что ни на есть обычного и общедоступного научного сочинения, начав с гипотезы о последней вариации в поведении видов — ну, скажем, с развития плотоядности у новозеландского попугая, — а затем обратим свой взор в глубь времён, к самым далёким закоулкам Пространства и Вечности, к картинам, которые нам рисует в воображении доктрина Огненного Тумана, то мы скоро увидим, что все эти теории имеют под собой одну и ту же основу.

И заключается эта основа в мысли о том, что если какой-то гипотетической единице однажды был придан тот или иной импульс, то импульс этот, оказываясь, сохраняет тенденцию к своему продолжению, а, следовательно, всё, "произведённое" чем-то, когда-то и где-то, стремится к своему повторению, но уже в другие времена и в других местах.

Таково общепринятое рациональное объяснение наследственности и явления атавизма. То, что одно и то же правило распространяется также и на наше обычное поведение, со всей очевидностью следует из пресловутой лёгкости, с какой мы приобретаем новые "привычки" — скверные или полезные, смотря по обстоятельствам. А значит, не подлежит никакому сомнению, что-то же самое правило в такой же степени распространяется на мир нравственно-интеллектуальный, в какой он касается и мира физического.

Далее, некоторые физические привычки, как нам прямо говорят об этом и история, и наука, формируют в нас и определённые нравственно-интеллектуальные качества.

История, к примеру, не знает ни одного народа-завоевателя, который состоял бы из одних только вегетарианцев. Если мы обратимся к древнеарийским временам, то и там мы не увидим, чтобы те самые риши, из мудрости и жизненной практики которых мы черпаем свои познания в оккультизме, когда-либо запрещали касте кшатриев (воинов) заниматься охотой и употреблять в пищу мясо.

Занимая своё особое место в политической организации тогдашнего мира, риши столь же мало помышляли о вмешательстве в его внутренние дела, как и не пытались отучить дикого тигра от его привычек. Однако это никоим образом не влияло на поступки самих риши.

Стало быть, всякий, кто стремится обрести долголетие, должен остерегаться двух опасностей. Особенно он должен избегать грязных мыслей, исходящих из его животной природы. Как показывает наука, мысль обладает динамической силой, и испускаемая нервной системой различными ритуалами, и каждая движется по собственным лабиринтам сила мысли способна вырваться наружу и неизбежно повлиять на состояние молекул, из которых образован физический человек.

Внутренние же люди, каким бы тонким ни был их организм, состоят всё-таки из реальных, а не гипотетических, частиц, и они точно так же подвержены закону повторяемости "действия", то есть способны вызывать аналогичное действие и в более грубой "оболочке", с которой взаимодействуют и внутри которой незримо пребывают.

С другой стороны, некоторые действия бывают и сами способны вызывать в физическом человеке такие состояния, которые несовместимы с чистотой мыслей, а значит, могут противодействовать процессу формирования верховенства внутреннего человека.

Но вернёмся от теории к практике. лучше всего начинать, когда имеешь дело с нормальным здоровым умом, заключённым в нормальное здоровое тело.

Да, исключительно сильные и цельные натуры порой действительно способны вернуть позиции, утраченные в результате внутреннего душевного разлада или потакания физическим влечениям. Для этого они пользуются особыми приёмами, а сам этот процесс протекает у них под неослабным контролем твёрдой воли.

Однако зачастую дело заходит уже так далеко, что у человека не остаётся больше запаса внутренних сил для того, чтобы выдерживать этот конфликт достаточно долго и в конечном счёте достигнуть-таки поставленной цели в виде продления срока этой своей жизни, хотя то, что на Востоке принято называть "заслугой" в виде личных усилий, может помочь индивиду улучшить состояние своих дел и условий жизни в его следующем воплощении.

Как бы то ни было, но предписанный процесс самозакалки начинается именно с этого. Сущность его, коротко говоря, состоит в нравственном, умственном и физическом совершенствовании, причём развитие по всем этим трём направлениям должно протекать параллельно — любое отдельно взятое направление не будет иметь никакого смысла, если оно не подкреплено двумя другими.

Физический человек должен приобрести более тонкоматериальную и более тонко чувствующую природу; умственный человек должен научиться острее и глубже проникать в суть вещей; а нравственный человек должен научиться большему самопожертвованию и приобрести более философский подход к жизни.

Здесь следует сказать, что никакой нажим, никакое давление — ни с внешней стороны, ни со стороны самого человека — успеху дела не поможет. Если человек выглядит "добродетельным" лишь под действием грубой физической силы, вследствие чьих-то угроз или взяток (не только в прямом физическом смысле, но и в смысле, так сказать "духовном"), то демонстрирующему такое качество человеку всё это никакой пользы не принесёт, а подобное лицемерие способно лишь отравить нравственную атмосферу мира.

Нет, чтобы стремление к "добродетельности" и "чистоте" обрело подлинную силу, оно должно вырасти в человеке непрочно.

Это побуждение должно прийти к человеку изнутри, человек должен по-настоящему рваться к чему-то высокому как к высшей ценности. Он должен сторониться зла не из страха перед законом, вести непорочный образ жизни не из трепета перед общественным мнением и творить добро не из любви к славе или ужаса перед последствиями его действий в гипотетической будущей жизни.

Если вспомнить в этой связи учение о способности действий к собственному возобновлению, о чём сказано выше, то мы увидим, что практика самовоспитания, предлагаемая оккультизмом в качестве единственно верного пути к обретению долголетия, — это не какая-то "визионерская" теория, оперирующая туманными "идеями", а представляет собой строгую систему тренировки, имеющую под собою, собственно говоря, вполне научную основу. Благодаря этой системе каждая частичка тех нескольких человек, что образуют семеричное единство индивида, получает определённый импульс и приобретает привычку делать то, что необходимо для достижения поставленной цели, причём делать это по собственной доброй воле и с "удовольствием".

Для того чтобы заниматься каким-то делом с удовольствием, человек должен накопить определённый практический опыт и в совершенстве овладеть техникой исполнения. Это правило особенно важно, когда мы говорим о совершенствовании Человека. Каждая "добродетель" сама по себе может быть по-своему полезна — она даже способна приводить к грандиозным результатам. Однако с точки зрения эффективности занятий важно, чтобы человек подходил к этой практике в радостном настрое духа, а не преодолевая нежелание или боль.

Исходя из этого соображения, кандидат на обретение долголетия должен уже в самом начале своего пути начать сторониться собственных физических влечений, но делать это он должен не из каких-то сентиментальных представлений о добре и зле, а по следующему вполне здравому логическому основанию.

Общеизвестно, а теперь уже и научно доказано, что в видимой человеческой оболочке происходит непрерывный процесс обновления частиц, а значит, отказавшись от удовлетворения своих страстей, человек достигает такого периода, когда те частицы, что прежде составляли тело человека порочного и обладали привитой им предрасположенностью к дурному, должны уже полностью исчезнуть.

Одновременно с этим, как только человек прекращает пользоваться подобного рода функциями, закрывается вход и для поступления новых частиц, стремящихся повторять указанные действия. Пусть это и частный случай, связанный с определёнными "пороками", но воздержание от "грубых" действий (если мы воспользуемся выведенным Дарвином общеизвестным законом атрофии функций при их неиспользовании) приведёт в целом к снижению того, что мы называем "относительной" плотностью и силой сцепления во внешней оболочке (в результате более редкого использования её молекул).

В то же время уменьшение количества образующих эту оболочку компонентов будет "компенсироваться" (в чём можно убедиться с помощью весов) за счёт увеличения притока более тонкоматериальных частиц.

От каких же физических желаний необходимо избавляться и в какой последовательности? Первое и самое главное — человек должен отказаться от употребления алкоголя в любом его виде: он не служит источником ни питания, ни непосредственного удовольствия (если не говорить о свойственных винам сладости, аромате и проч., но к ним алкоголь как таковой прямого отношения не имеет) даже для самых грубых элементов "физической" оболочки, а лишь вызывает усиленную бурность действий, как бы обострённую стремительность жизни — а подобное напряжение способны переносить только самые вялые, грубые и плотные элементы, и, кроме того, в соответствии с законом действия и противодействия (в коммерции это называется "спросом и предложением") подобное напряжение способно вызывать из окружающего универсума элементы соответствующего же рода, напрямую, таким образом, мешая нам достичь поставленной цели.

Во-вторых, от мясоедения — по той же самой причине, но в чуть меньшей степени. Оно ускоряет течение жизни, повышает энергию деятельности и усиливает горячность страстей. Оно может быть полезно для какого-нибудь воина-героя, которому предстоит вступить в схватку с врагом и пасть на поле боя, но не для кандидата в мудрецы, который должен жить и . . .

Затем в порядке очерёдности следует половое влечение, ибо мало того, что оно вызывает значительное перенаправление энергии (витальной силы), которая начинает течь самыми разными способами по другим каналам, минуя главный (подобная же растрата нашей жизненной энергии впустую случается и в минуты, когда мы пребываем в состоянии напряжённого ожидания или испытываем чувство ревности и проч.) — но, главное, половое влечение напрямую притягивает к себе некое грубое свойство изначальной материи Вселенной, и происходит это по той простой причине, что самые сладостные физические ощущения возможны лишь на этом этапе уплотнения [вселенской материи — перев.].

Наряду с искоренением этих и многих других чувств, требующих своего удовлетворения — а в их число входят не только те чувства, которые у нас принято называть "порочными", но также и все те, что обычно считаются вполне "невинными", но при этом обладают одним существенным изъяном: они усиливают процесс услаждения плоти, и ориентиром здесь должно служить следующее: отказ от самых безвредных для окружающих и наименее "грубых" следует в каждом отдельном случае оставлять напоследок — должно осуществляться нравственное очищение.

При этом, однако, не следует полагать, будто "умерщвление плоти" в обычном его понимании может в большинстве случаев так уж сильно способствовать процессу "утончения" [состава человеческой природы — перев.]. На этом споткнулось немало восточных эзотерических школ, учения которых в результате этого вырождались, превращаясь в самые нелепые предрассудки.

И западные монахи, и восточные йоги, полагающие, будто смогут достичь вершин всемогущества, лишь созерцая собственный пупок или стоя на одной ноге, используют практики, преследующие лишь одну задачу: укрепление силы воли, а она может порой применяться и в самых гнусных целях. И первые, и вторые могут служить лишь примерами однобокого и неполноценного развития. Какой смысл поститься, если вы всё равно испытываете потребность в еде?

И только прекращение всякого желания принимать пищу — при условии, если оно совершенно безвредно для здоровья — служит верным указателем того, что человек может принимать пищу во всех меньших объёмах, пока не сведёт их к крайнему пределу, необходимому для поддержания жизни. В конце концов он достигнет такого состояния, при котором потребной ему окажется одна лишь вода.

Не принесёт большой пользы на пути к обретению долголетия и отказ от аморальных поступков, коли в сердце своём человек всё равно тянется к ним. Это же касается и всех иных внутренних побуждений, ищущих своего удовлетворения.

Главное — это избавиться от внутренней тяги, а без этого любое притворство есть лишь чистое лицемерие и никчёмное рабство.

Точно так же необходимо поступать и в деле нравственного очищения сердца. Первыми должны уйти самые "подлые" наклонности — затем все остальные. Сначала алчность, затем страх, потом зависть, суетная гордыня, душевная чёрствость, ненависть, а под конец — поочерёдно честолюбие и любопытство.

Одновременно с этим должно происходить и укрепление более тонких

— так называемых "духовных" — составляющих человека. Необходимо упражнять и поощрять в себе умение медитировать, то есть логически рассуждать, мысленно двигаясь от известного к неизвестному.

Медитация — это невыразимо острая жажда внутреннего Человека "вырваться [из своего тесного узилища, физического тела — перев.] и соединиться с бесконечным", и в стародавние времена именно под нею и понималось поклонение Божеству, тогда как сегодня это понятие уже не имеет синонима ни в одном из европейских языков, ибо ничего подобного на Западе больше не существует: само понятие "поклонение" оказалось настолько опошлено, что стало обозначать нечто притворно-фальшивое — молитву, славословие и покаяние.

Проходя через все этапы обучения, вы должны сохранять в себе равновесие сознания — убеждённость в том, что всё в Космосе не может не быть устроено правильно, а значит, так же устроены и вы сами, его частица. Течение жизни необходимо по возможности замедлять, а не ускорять.

Обратное, хоть и может принести пользу другим, и, возможно, даже вам самим — правда, уже в иных сферах, — лишь ускорит ход вашего распада в этой.

Не следует на этом первом этапе пренебрегать и внешними факторами. Необходимо помнить о том, что, хотя любой адепт уже самым своим "существованием" и должен людям обычным являть собою пример бессмертия, он точно так же не застрахован от воздействий извне.

И вся его закалка, направленная на продление срока жизни, сама по себе ещё не гарантирует ему полную защиту от несчастных случаев. Если мы говорим о подготовке его физического организма, то здесь нельзя забывать о том, что в мире всё ещё существуют и острый клинок, и опасная болезнь, и коварный яд.

Это прекрасно и очень точно описано в романе "Занони", что вполне справедливо и не может быть иначе, если только мы не будем воспринимать всё, что связано с адептами, лишь как пустые рассказы.

Вероятно, адепт и вправду более надёжно защищён от обычной опасности по сравнению с простым смертным, но этим он обязан лишь тому наивысшему знанию, тому спокойствию, хладнокровию и проницательному чутью, которые приходят к нему с увеличенным сроком жизни и всем остальным, что эта долгая жизнь несёт с собой, а вовсе не какой-то защитной силе, которую могут ему якобы даровать подготовительные практики сами по себе. Защищённость его — это защищённость вооружённого винтовкой человека, стоящего против безоружного бабуина, но это не та защищённость, которой, как принято считать, должен обладать дэва (бог) по сравнению с обычным человеком.

Если всё обстоит именно так, когда дело идёт даже о высочайшем адепте, то что уж тут говорить о неопите, для которого задача обеспечения не только собственной защиты, но и использования всех возможных средств для соответствующего продления срока своей жизни многократно усложняется, если он твёрдо намерен в конце концов овладеть секретом феномена, который мы называем смертью!

Но почему же, спросят нас, такую защиту не могут ему обеспечить высочайшие адепты? Вероятно, они и предпринимают кое-какие меры в этом отношении, однако ребёнок должен научиться ходить самостоятельно. Обеспечить ему полную безопасность независимо от собственных усилий значило бы отменить один из необходимых для его развития элементов, — выработки чувства ответственности. Какой отваги, какой доблести можно ожидать от брошенного в бой человека, если в руках он держит непобедимое оружие и облачён в непробиваемые доспехи?

А значит, неопит должен по возможности соблюдать все без исключения санитарно-гигиенические правила, установленные современной наукой. Чистый воздух, чистая вода, чистая пища, умеренная физическая нагрузка, правильный режим дня, приятные занятия и окружающая среда, — всё это если в конечном счёте и не определяет, то, по крайней мере, способствует его успешному развитию.

Именно ради этого, как и из потребности обрести покой и одиночество, боги, пророки и оккультисты всех веков по возможности и удалялись из городов, стремясь погрузиться в тишь природы, в прохладу пещер, укрыться в непроходимых дебрях лесов, в безлюдных просторах пустынь и на неприступных горных вершинах.

Разве не показательно то, что излюбленными у богов местами всегда были "высоты", "возвышенные места", а в наши дни наивысшая на земле община оккультного Братства обитает именно на горном плато

— высочайшем на земле?

Не должен начинающий чураться и медицины, как и лечения с помощью добрых лекарственных препаратов. Он по-прежнему — всё ещё простой смертный и всё так же нуждается в обычной для простого смертного помощи.

Наконец читатель может спросить: "Допустим, однако, что все перечисленные и любые иные необходимые условия (а процесс очищения может потребовать такого обилия и разнообразия необходимых условий, что всего здесь и не перечислишь) соблюдены, и каковы же должны быть его следующие шаги?" Что ж, если неофит аккуратно и последовательно соблюдает все предписанные процедуры, то в нём должны наступить следующие физические изменения.

Во-первых, он станет получать больше удовольствия от вещей чистых и духовных. Мало-помалу занятия грубые и материальные станут для него не то что нежелательными или запретными, но будут внушать ему отвращение в самом прямом и буквальном смысле этого слова. Гораздо больше удовольствия он станет находить в самых простых ощущениях от окружающей природы — нечто похожее, если помните, мы ощущали в детстве. Он станет более жизнерадостным, более уверенным в своих силах и более счастливым.

Однако пусть он остережётся этого ощущения возврата ушедшей юности, ибо оно может увести его в сторону — туда, где его ждёт иная угроза: опасность пуститься во все тяжкие и пасть в совсем уж неодолимую пропасть порока. "Действие равно противодействию".

Далее у него начнёт пропадать потребность в пище. Процесс этот должен протекать постепенно — поститься не нужно. Ешьте всё, что вам хочется. Но любимой у вас станет пища самая незамысловатая и простая — в первую очередь фрукты и молоко. Так же, как до этого момента вы занимались упрощением качества пищи, теперь постепенно — очень постепенно — по мере возможности переходите к уменьшению её количества.

Может возникнуть вопрос: "А способен ли человек вовсе обходиться без еды?" Нет, но, предупреждая возможные насмешки с вашей стороны, хочу попросить вас задуматься о самом характере процесса питания. Общеизвестно, что у многих низших и простейших организмов начисто отсутствуют выделения. Ярким примером здесь может служить самый обыкновенный гвинейский червь или ришта.

Он имеет довольно сложно устроенный организм и при этом не имеет выделительного канала. Всё, что он потребляет — самые бедные вещества человеческого тела,

— идёт у него на рост и размножение. Живя в тканях человеческого тела, он не выводит из себя остатки переваренной пищи.

В похожем состоянии на определённой фазе своего развития оказывается и неофит-человек с тем лишь отличием (или с теми же отличиями), что-выделения-то у него всё-таки происходят, но происходят они через поры кожи, и через них же к нему поступают уже утончённые частицы материи, необходимые для поддержки его организма. Другими словами, всего объёма потреблённых пищи и жидкостей ему хватает лишь на то, чтобы поддерживать в равновесии те "грубые" части его физического тела, которые у него остаются для того, чтобы восполнять потерю кутикулы при посредстве крови.

Позднее в процессе формирования клеток его [физической] оболочки происходит поворот: поворот к лучшему — это похоже на то, как в ходе болезни, бывает, происходит, наоборот, поворот к худшему — он начинает жить и ощущать жизнь всем своим существом, а питание он теперь начинает получать из эфира (акаши). Но до этого этапа нашему неофиту ещё предстоит шагать и шагать.

Вероятно, задолго до наступления этого периода в организме происходят и другие изменения, не менее поразительные, а то и просто невероятные, с точки зрения непосвящённого, и они придают неофиту смелости и уверенности, пока он решает свою трудную задачу.

Не хочется впадать в банальности и повторять здесь всё то, что много раз сказано (при полном незнании истинной сути дела) сотнями и сотнями разных авторов о том, какое счастье и удовлетворение приносит-де неофиту непорочный и чистый образ жизни.

Нередко, однако, уже в самом начале происходит какое-то реальное физическое изменение, которого неофит не ожидает и о котором даже не помышляет.

Может случиться так, что какая-то затяжная болезнь, ранее казавшаяся неизлечимой, вдруг приобретает благоприятное течение; у самого неопита могут вдруг выработаться месмерические способности к исцелению болезней, а то в нём вдруг пробуждается до того неведомая ему острота чувств, и всё это не может не радовать его.

Рациональное объяснение этих явлений, как уже сказано выше, не имеет никакого касательства к чуду и вполне доступно разумному пониманию.

Во-первых, не может пройти бесследно внезапное изменение в направленности действия жизненной энергии индивида (которая, что бы мы сами ни думали о ней и её источнике, признаётся всеми школами философии за самый малоизученный вид энергии и даже считается движущей силой любого организма).

Во-вторых, как мы уже говорили, теософия учит, что любого человека образуют несколько человек, которые свободно пронизывают друг друга, и, исходя из этой точки зрения (даже если её и очень трудно объяснить словами), вполне естественно предположить, что по мере утончения самых грубых и плотных частей человеческой природы должно происходить и соответствующее расширение свободы в самом прямом смысле этого слова для остальных составляющих человека элементов.

Табуну лошадей может легко преградить путь плотная людская толпа — сквозь неё лошадям будет пробиться весьма нелегко.

Но представим себе, что каждый человек в этой толпе вдруг превратился в бесплотный призрак, и в этом случае лошади могут проскочить через толпу без малейшей задержки. И поскольку каждая последующая внутренняя сущность человека отличается более тонкой материальностью, большей активностью и летучестью по сравнению с её предыдущей внешней сущностью и поскольку каждая из них связана с различными элементами, пространствами и свойствами Космоса, о чём подробно говорится во многих других статьях об оккультизме, то читатель может себе представить, — хотя перо писателя неспособно

выразить это и в дюжине томов — насколько величественны те возможности, что постепенно разворачиваются перед неофитом.

Многими из открывающихся таким образом возможностей неофит может воспользоваться и для упрочения собственной безопасности, и ради простой забавы, и на благо окружающих его людей. Но то, как он распорядится ими, и определит степень его зрелости — в этом и состоит ещё одно испытание, через которое должен пройти неофит, и если он злоупотребит этими приобретёнными способностями, то самым естественным исходом испытания станет для него полная утрата этих способностей. Иччха ("желание"), вновь пробуждённое в неофите широко раскрывающимися перед ним перспективами, либо затормозит ход его развития, либо отбросит назад, в самое его начало.

Но имеется ещё одна сторона той Великой Тайны, которой мы должны здесь коснуться, и сегодня, впервые в долгой череде минувших веков, её позволено открыть миру, ибо час для этого пробил.

Нет нужды напоминать просвещённому читателю об одном из величайших открытий, обессмертившем имя Дарвина. Я говорю о законе, согласно которому любой организм в соответствующий период своей жизни всегда стремится повторить то или иное действие своих предков — и тем сильнее и увереннее, чем ближе к нему они стоят на лестнице жизни.

Следствием этого является то, что у живых организмов в целом смерть наступает примерно (в среднем) в тот же период, что и у их предков.

Да, верно, в том, что касается фактического возраста, в котором принадлежащий к тому или иному виду индивид умирает, существует огромный разброс данных. Главными факторами, вызывающими смерть, являются болезни, несчастные случаи и голод. Однако каждый вид имеет хорошо известный промежуток времени, в границах которого протекает его жизнь, и на сегодняшний день не известно ни единого случая, когда представитель того или иного вида пережил бы установленный для этого вида срок.

Закон этот в равной степени распространяется на человеческий вид, как и на любой прочий.

Но представим себе человека с самым обыкновенным телом, который учёл все, какие только возможно, санитарно-гигиенические требования и которому удалось избежать всех несчастных случаев и болезней, но, тем не менее, в каждом конкретном случае, как это хорошо известно врачам, всё равно должен наступить такой период, когда частицы его тела вдруг ощутят наследственное стремление совершить то, что неминуемо приведёт к распаду, и они вынуждены будут этому стремлению покориться. любому здравомыслящему человеку должно быть очевидно, что если каким-то особым способом этот критический, переломный период удастся благополучно миновать, то последующая угроза "смерти" будет с годами становиться всё слабее и слабее.

Однако то, что невозможно для обычного неподготовленного ума и тела, оказывается подчас возможным для воли и организма человека, прошедшего особую подготовку. Теперь в его организме осталось намного меньше грубых частиц, способных поддаваться наследственной тяге, а кроме того, его видимая внешняя оболочка получает поддержку со стороны значительно укрепившихся "внутренних людей" (которым обыкновенно отведён гораздо более долгий срок жизни даже в тех случаях, когда по естественным причинам наступает смерть [физического человека]), и, наконец, имеется вымуштрованная и неукротимая Воля для того, чтобы направлять и не выпускать из рук весь процесс.

Начиная с этого этапа, маршрут, по которому должен двигаться искатель "бессмертия", становится яснее. К этому моменту он уже успевает победить "Стража Порога" — наследственного врага рода человеческого, и, хотя на своём пути к нирване человек пока ещё не защищён ни от одной опасности, он всё-таки окрылён собственной победой, и, вдохновляемый новым ощущением уверенности в своих силах, чувством, что сумеет эту победу ещё не раз подкрепить новыми достижениями, он может устремляться вперёд к собственному совершенству.

И действительно, нельзя забывать о том, что природа во всём следует Закону и что тот процесс очищения, который мы здесь описываем применительно к внешнему материальному телу, происходит одновременно и в его внутренних, невидимых учёному, оболочках, но только в несколько иных формах. Всё приходит в движение, и метаморфозы, переживаемые более тонкими телами (причём изменения протекают тем медленнее, чем тоньше тело), в точности повторяют путь, по которому движется более грубое тело.

Они приобретают всё более широкий диапазон связей с окружающим космосом, пока наконец индивид, достигший максимально возможного состояния разрежённости, не сливается в нирване с БЕСКОНЕЧНЫМ ЦЕЛОКУПНЫМ ВСЁ.

Из вышеизложенного читатель сам способен сделать логический вывод касательно того, почему "Адептов" так редко можно видеть в обычной жизни. Дело в том, что *pari passu* с утончением их тел и развитием у них особых способностей они начинают испытывать всевозрастающее отвращение — своего рода "презрение" — ко всему, что принадлежит к сфере нашего обычного мирского существования. Как рвущийся на волю беглец срывает с себя один за другим все мешающие ему предметы, начиная с самых тяжёлых, так и ускользнувший из лап "Смерти" человек стремится оставить всё, за что та может ещё ухватиться. Всё, с чем мы раз и навсегда покончили, принесёт нам облегчение на восходящем пути Самоотречения.

Как мы уже сказали, адепт не обретает "бессмертия" в обычном понимании этого слова. Примерно в то время, когда он наконец перешагивает установленный для человека порог, ведущий от жизни к смерти, адепт фактически умирает в самом прямом смысле этого слова, то есть избавляется от всех или почти всех таких материальных частиц, которые при своём распаде повлекли бы за собой муки умирания. Он продолжает медленно умирать в течение всего периода посвящения. Но двух финалов быть не может, и он просто растягивает на долгие годы мягкий процесс распада, который другие переживают либо мгновенно, либо в течение нескольких часов.

Если говорить о наивысших Адептах, то, собственно говоря, они, подобно мертвецам, абсолютно равнодушны к миру, они держат его совершенно вне собственного сознания, не замечают его прелестей, им нипочём его страдания в сентиментальном, разумеется, смысле — словом, им чужды всякие сантименты, и одно только неистребимое чувство ДОЛГА заставляет их ни на минуту не забывать о самом факте существования этого мира.

Ибо новые, тонкие органы чувств в той же мере широко распахиваются у них для восприятия иных, более обширных сфер, в какой наши собственные сосредоточены на Бесконечно Малом. Вместе с новыми ощущениями и новыми органами восприятия возникают новые желания и наслаждения, новые опасности и точки преткновения, и лишь где-то далеко-далеко внизу видится им окутанная туманной дымкой — и в буквальном, и в фигуральном смысле — та самая маленькая грязненькая земля, которую они покинули для того, чтобы в прямом смысле этого слова "соединиться с богами".

Неужели и это объяснение не показывает со всей очевидностью, сколь глупо со стороны людей было бы требовать от теософов "обеспечить им сообщение с высочайшими адептами"? Только страдания мира одни лишь, пожалуй, и могут с величайшим трудом побудить одного-двух из них нарушить мерную поступь своего восхождения вмешательством в мирские дела.

Обычный читатель может на это заметить: "Но так не ведут себя боги. Это же верх эгоизма!"

Однако пусть он задумается вот над чем: любому самому высокому Адепту, взявшемуся за задачу преобразования мира, придётся столкнуться с неизбежностью рождения в новом теле. Но всё то, через что ему уже довелось пройти в прошлой череде воплощений, способно ли оно дать ему достаточно сил, чтобы побудить его к новой попытке?

Глубокое осмысление всего здесь сказанного поможет и теософам лучше понять, чего они, в сущности, требуют, когда просят предоставить им возможность практически овладеть "наивысшими способностями". Что ж, им сказано яснее ясного: этот ПУТЬ существует... Вот только будет ли им по силам пройти его?

Необходимо со всей откровенностью упомянуть и о том, что путь неопита устан такими опасностями, искушениями и силами сопротивления, о которых обычный смертный даже не догадывается. И в этом нет ничего странного, так как причина проста: он, по сути дела, приобретает новые органы чувств, но пока что не умеет ими правильно воспользоваться, ибо до этого момента ему ещё никогда не приходилось видеть всё то, что созерцает теперь. Так слепой от рождения человек, которому внезапно открылось зрение, не сразу овладеет представлением о законах перспективы и, как малое дитя, в одних случаях станет полагать, будто может легко дотронуться до луны, а в других с наивной неосторожностью может хвататься голыми руками за горящий уголь.

И здесь меня могут спросить: а что же взамен? Чем могут компенсировать ему это отречение от всех радостей жизни, этот холодный отказ от всех мирских интересов, эта устремлённость к некой неведомой цели, которая представляется всё более недостижимой? Ведь в отличие от того или иного учения об антропоморфном Боге оккультизм не сулит своим служителям никакого вечного и неизменного рая со всеми его материальными прелестями, в который человек попадает мгновенно, одним прыжком из могилы. Известно немало случаев, когда люди бывали готовы умереть сию же минуту ради обретения рая сразу после смерти.

Оккультизм, однако, никогда не предлагает перспективы мгновенно и задарма ниспосланного права перейти в мир бесконечного наслаждения, неисчерпаемой мудрости и вечного бытия.

Он обещает только одно: и наслаждения, и мудрость, и бытие будут для человека лишь постепенно расширяться и, подобно длинной галерее сводчатых коридоров, разделённых между собой непроницаемой пеленой, они в своей непрерывной череде будут восходить всё дальше и дальше вверх — туда, где в конце долгого пути брезжит вход в НИРВАНУ. Вдобавок ко всему, будет расширяться и круг ответственности неопита, ведь вновь открывающиеся у него способности будут налагать на него и новую ответственность, а всё более и более обостряющаяся способность переживать наслаждение влечёт за собой и точно такую же способность обострённо ощущать боль.

А значит, на поставленный вопрос можно дать лишь один ответ, который, подобно медали, имеет две стороны: (1) осознание своих способностей уже само по себе представляет собой изысканнейшее из наслаждений, которое непрерывно находит для себя удовлетворение в ходе продвижения вперёд вместе с вновь возникающими средствами для реализации этих способностей; и (2) как уже было сказано, ЭТО — единственный путь, дающий хотя бы малейшую научно подтверждённую вероятность избежания "смерти", обретения не затухающей в вечности памяти, постижения бесконечной мудрости, а значит, и возможности помогать человечеству в том случае, когда неопиту удаётся благополучно миновать поворотную точку. логика — как с позиции мыслителя-физика, так и метафизика — равно предполагает и утверждает, что лишь при постепенном погружении в бесконечность каждая отдельная часть способна понять Целое и лишь то, что уже сегодня представляет собой нечто, одно только и будет способно ощущать, познавать и с наслаждением переживать ВСё, когда затеряется в абсолютной целокупности мироздания, захваченное вихрем того неизменного круговорота, в котором наше нынешнее знание обращается в незнание, а то, что мы сегодня истолковываем как НИЧТО, на самом-то деле и есть Всё.